

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

ТАЙНА
КУТУЗОВСКОГО
ПРОСПЕКТА

МОСКВА 2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С30

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Семенов, Юлиан Семенович.
С30 Тайна Кутузовского проспекта / Юлиан Семенов. — Москва : Эксмо, 2021. — 384 с.

ISBN 978-5-04-122811-8

Декабрьским днем 1981 года в своей квартире была убита известная советская актриса Зоя Федорова. Смерть эта породила множество слухов и домыслов: от происков таинственной бриллиантовой мафии до акции западных спецслужб. Кем же на самом деле был кровавый палач — вражеским агентом или маньяком-одиночкой? Спустя несколько лет после трагедии полковник МВД Владислав Костенко выходит на след преступника. Кажется, в запутанном деле можно ставить точку... Но неожиданно правосудие оказывается бессильно что-либо сделать. И тогда Костенко решает в одиночку восстановить справедливость...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-122811-8

© Семенов Ю.С., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Когда главы повести шли в набор, я встретился в Нью-Йорке с гражданкой США Викторией, дочерью замечательной русской актрисы Зои Федоровой, убитой в 1981 году.

Любители кинематографа помнят роли, сыгранные ими: «Подруги» Зои Федоровой и «Двое» Виктории вошли в анналы искусства навсегда — как документы эпохи.

— Мама была у меня в гостях несколько раз, — рассказала Виктория. — Однако, когда я пригласила ее в восьмидесятом, вскоре после того, как здесь выпустили мою книгу «Дочь адмирала» — отец умер в звании адмирала флота США, — маме отказывали в выдаче паспорта. Я обратилась за помощью к тому сенатору, за которого голосовала, — Брэдли. После совещания в его штабе мне ответили: «Если бы мама просилась в эмиграцию, сюда, к вам, для воссоединения семьи, мы бы могли оказать какую-то помощь. В ином случае брежневская администрация нам откажет: „Давать или не давать выездной паспорт для поездки в гости — наше внутреннее дело...“»

Я позвонила маме и рассказала ей об этой беседе.

— Меня скоро убьют, — сказала она, и это было не первый раз, когда мы перезванивались. — Ладно, в среду пойду на прием...

Она позвонила в среду вечером: «Я им сказала, что, если меня, русскую до последней капельки, патриота

России, не выпустят в гости к дочери и внуку, я подам на эмиграцию...»

В пятницу ее убили... «Мосфильм» отказал в том, чтобы выделить зал для гражданской панихиды. А мне не дали визу, чтобы приехать на ее похороны: «Кто такая Зоя Федорова? У нас нет на нее никакой информации...» Тогда я положила мой советский паспорт в конверт и отправила его в Посольство СССР.

* * *

...Сталин любовался открытым, с ямочками на щеках, улыбчивым лицом Зои Федоровой. Вручая ей очередную Сталинскую премию, заметил:

— Это вас не я награждаю, а народ благодарит, товарищ Федорова.

Зоя не смогла сдержать слез счастья:

— Спасибо, дорогой Иосиф Виссарионович... Как говорят военные: «Служу Советскому Союзу!»

— Нет уж, пожалуйста, оставайтесь замечательной русской актрисой... Военными становятся, художниками рождаются... Как у вас дела? С жильем все нормально?

— Если б даже было плохо, я бы все равно не сказала, Иосиф Виссарионович... Без квартиры жить можно, без вас — нет...

— Я ж не бессмертен, — с болью, тихо заметил Сталин. — Придется и без меня пожить. Просьбы есть какие? Говорите честно, мне в радость помочь вам...

Федорова замерла, покрылась внезапно — от шеи — бледностью:

— Иосиф Виссарионович, у меня репрессирован отец... Он ваш солдат, его оклеветали... Он ни в чем не повинен...

На мгновение лицо Сталина закаменело. Как-то заново, словно бы оценивающе обсмотрев Зою, чуть усмехнувшись, ответил:

— Вот мы вам и подарим машину — неудобно отца домой везти на трамвае... Зайдите к товарищу Берия, потом позвоните Поскребышеву, он вас соединит со мной... А Лаврентия Павловича я предупрежу...

* * *

Из материалов дела: «В период приблизительно между тринадцатью и семнадцатью часами одиннадцатого декабря 1981 года в доме номер 4/2, квартире 243 по Кутузовскому проспекту была убита Федорова Зоя Алексеевна, семидесяти двух лет, заслуженная артистка РСФСР, лауреат Государственных (Сталинских) премий.

Смерть Федоровой З.А. наступила в момент, когда она говорила с кем-то по телефону, от выстрела в затылок, произведенного из пистолета «Зауэр» калибра 7.65 (пистолет системы «Зауэр» продается в США, Аргентине (гор. Игуасу) и Бразилии).

В квартире обнаружены отпечатки пальцев неизвестных. С журнального столика изъят отпечаток пальца на дактилоскопию.

Из протокола осмотра квартиры жертвы, проведенного следователем прокуратуры Сазоновым, прокурором-криминалистом Герасимовым, экспертами НТО Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома Антроповым и Гритьевым в присутствии понятых Александровой и Кондрашкиной, явствует, что обстановка в комнатах не нарушена. Дверные замки шкафов целы. Следов взлома нет. Обнаружено 2400 рублей, кольца — с камнями и без камней, браслет, подвеска, кулон, цепочки и запонки желтого цвета. Следы насилия в комнатах не просматриваются.

Дверь взломана не была. По данным экспертизы, квартира чужим ключом, сделанным со слепка, не отпиралась, из чего можно сделать предположение, что

убийцей был человек, хорошо знакомый Федоровой, который и находился в квартире жертвы».

...Из справки: «Федорова Зоя Алексеевна привлекалась по ст. 58, пп. 10 и 11 и по решению ОСО МГБ СССР была приговорена к двадцати пяти годам тюремного заключения. В 1956 году полностью реабилитирована».

* * *

«...Советское государство понесло тяжелую утрату. 19 января 1982 года после тяжелой продолжительной болезни скончался советский государственный деятель, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, первый заместитель Председателя КГБ СССР генерал армии Семен Кузьмич Цвигун.

Более четырех десятилетий жизнь и деятельность С. К. Цвигуна были неразрывно связаны с работой по обеспечению государственной безопасности нашей Родины. Этому ответственному делу он отдавал все свои силы, опыт и знания...

Светлая память о Семене Кузьмиче Цвигуне, верном сыне партии, государственном деятеле, навсегда сохранится в сердцах советских чекистов, всех советских людей...»

Франс Пресс: «В московских кругах упорно говорят о том, что родственник Брежнева и его креатура в КГБ Семен Цвигун не умер, а покончил жизнь самоубийством в правительственном загородном санатории».

Рейтер: «Осведомленные московские круги утверждают, что гибель Цвигуна связывается с именем артиста Бориса Буряцы, вхожего в дом Брежнева. При этом подчеркивается, что Цвигун был многолетним сотрудником и близким другом Брежнева: тем более странно, что подпись Брежнева под некрологом отсутствует...»

* * *

«...25 января 1982 года на восьмидесятом году жизни после непродолжительной тяжелой болезни скончался член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда Михаил Андреевич Суслов. Ушел из жизни видный деятель Коммунистической партии, Советского государства и международного коммунистического движения. Вся его жизнь, все его силы и знания, весь его талант были отданы партии и народу...

На всех постах, которые ему доверяли Коммунистическая партия и народ, Михаил Андреевич Суслов проявил себя выдающимся организатором, несгибаемым борцом за великое дело Ленина, за успешное решение задач коммунистического строительства. Являясь крупным теоретиком партии, он многое сделал для творческого развития марксистско-ленинской теории, твердо отстаивал ее чистоту. Он внес большой вклад в дело расширения и укрепления интернациональных связей...

Михаила Андреевича Суслова отличали большевистская принципиальность, требовательность к себе и другим, исключительное трудолюбие, умение творчески подходить к острым и сложным вопросам современности. Человек большой души, кристальной нравственной чистоты, исключительной скромности, он снискал себе глубокое уважение в партии и народе...»

Из медицинского заключения о болезни и причине смерти Суслова Михаила Андреевича:

«М. А. Суслов, 79 лет, длительное время страдал общим атеросклерозом с преимущественным поражением сосудов сердца и мозга, развившимся на фоне сахарного диабета. В 1976 году перенес инфаркт мио-

карда. 21 января 1982 года возникло острое нарушение кровообращения в сосудах ствола мозга с глубокой потерей сознания, нарушением дыхания и некоторых других жизненно важных функций организма...»

* * *

«Спецгруппу Угро МВД СССР, созданную по делу об убийстве Федоровой З.А., расформировать.

Полковников Павлова В.Я., Савицкого У.Р., Костенко В.Р. вернуть в их подразделения.

27 января 1982 г.

Министр внутренних дел СССР Н. Щелоков».

Савицкого перевели в Ригу заместителем СКВ по режиму с прибавкой зарплаты на девяносто рублей; запил; вскоре умер от цирроза печени.

Павлова отправили в Узбекистан с повышением.

...С января по май восемьдесят второго года Костенко — после того как группу расформировали — провалялся в клинике у Ларика: тот удар в печень, что получил в Армении, в семьдесят втором еще, когда брал бандгруппу на аффинажной фабрике по делу Кешалавы, время от времени давал себя знать. Вернувшись в министерство, на глаза начальству не очень-то показывался, запомнив на всю жизнь слова, сказанные как-то Константином Симоновым: «Служить не отказываюсь, но служить не навязываюсь...»

...Что-то изменилось в стране: в КГБ сел никому не ведомый Федорчук из Киева — новая метла по-новому метет. Один из первых приказов был весьма странный, носил явно идеологический оттенок: «Запретить сотрудникам появляться в джинсах, только пиджак и галстук — желательно отечественного покроя».

В октябре Костенко пригласили в кадры, предложили перевод с повышением, куда-то на Камчатку. Он обещал

подумать, поняв, что все, кто был завязан на деле Федоровой, отчего-то неуютны в Москве. Андропов, хоть и лишенный реальной власти, ибо теперь сидел в ЦК, на идеологии, под Брежневым и Черненко, тем не менее интересовался делом Федоровой, хотя кому-то это явно не нравилось.

Второго ноября Костенко вызвал заместитель министра по кадрам: «Приказ я завизировал, поздравляю от всего сердца, вернетесь генералом, обещаю...»

Десятого ноября, в День милиции, министр Щелоков обратился к народу по телевидению. Лицо — пергаментное, как маска, глаз от текста не отрывал. Брежнев лежал мертвый уже, началась схватка за лидерство. Победи Андропов — министр внутренних дел знал это, — и дни его будут сочтены.

Так и случилось: перевели в «царскую группу» Министерства обороны — с «Чайкой», пятьюстами рублями, бесплатным питанием, пайком, адъютантом, порученцем, кремлевкой и госдачей... Негоже обижать номенклатуру, все должно быть тихо, тактично, с соблюдением привычного этикета: выводы, однако, сделали все — при встрече норовили обойти, не заметить, а уж если некуда было деться, разговор облекали в форму междометий, лица каменные, срок на обмен мнениями — минута-две, иначе может быть неверно понято *наверху*, каждый второй донесет, какое там второй — каждый...

На пенсию Костенко вышел в конце восьмидесятых — после того как с помощью журналиста Ивана Варравина закончил разгром банды заместителя министра Чурина и его помощника Кузинцова...

...Поднимался он, как и раньше, в семь тридцать, полчаса занимался утомительной гимнастикой, а потом, проводив Маняшу, насыпал в кастрюлю брусничный лист, брикетик почечного чая, зверобой, шиповник, бросал щепотку валерианы (дефицит, впрочем, у нас все дефицит; раз в месяц приносил заместитель министра Цветмета Федя из аптеки Четвертого управления Минздрава — в простонародье, со сталинских времен — «кремлевка»), долго спускал воду, чуть не пять минут. Чайник покрывался накипью за полгода, водохозяйство Белокаменной редко меняет фильтры, «экономика должна быть экономной», трубы проржавели, по бюллетеням платим почечникам в тысячу раз больше, но посчитать, что выгодней — ремонт канализации или выплата по болезни, — недосуг, да и зачем? Одно дело — была б личная выгода, а так считай, не считай, деньги — ничьи, беречь государственные — пропади они пропадом, прожил день — и слава богу.

После того как бурый чай начинал пузыриться — спасение от камней, почечных колик и печени, — Костенко забирал из ящика «Аргументы и факты», «Книжное обозрение», «Огонек» и принимался за проработку прессы.

Толстые журналы не выписывал, и не потому, что денег не хватало: пенсия полковничья, двести пятьдесят, Маня свои приносит, да еще по совместительству нанялась чертежи на дом брать; правительство подобрело, раньше за такое в тюрьму гнали, а теперь даже Аришке помогают, ей, как молодому специалисту, *положили* сто десять, а за фирменные зимние сапожки две сотни отдай и не грехи, на панель, что ли, идти?!

Толстые журналы он не выписывал оттого, что Булганина помнил, Николая Александровича, бывшего премьер-министра. Было это в шестьдесят третьем, в районе Новодевичьего монастыря и Пироговки, там в те годы орудовала банда Носа. Костенко его «вытаптывал», обходил ЖЭКи; разговорился с отставником, который управлял домом, куда с Воробьевых гор, из замков, что москвичи нарекли «Заветами Ильича», переселили опального члена Политбюро.

«Что значит наша школа, сталинская, — задумчиво говорил управдом. — Каждое утро Николай Александрович получает двенадцать газет, я точно помню, информацию чекистам давал, и работает с ними — с красным карандашом в руке... Многотиражки даже получает, не только центральные... Резолюции кладет, служебные записки пишет, все в шкаф складывает — придет время, вернут его в Кремль, помяните мое слово... «Кукурузник» не вечен, Бог ему за Иосифа Виссарионовича отомстит... На кого руку поднял, мужик, а?! Так вот, Булганин поработает с газетами часов восемь — и на прогулку... С рабочим классом связь поддерживает, «на примкнувшего» порою бутылочку берет, на Шепилова, значится... Выпьет глоток — и беседует, расспрашивает о ситуации, советуется с народом, светлая голова, одно слово — сталинская гвардия...»

Костенко вспомнил этот разговор, как только отдал пистолет и получил пенсионную книжку: на следующий день после того, как не надо было ехать в мини-

стерство, отправился в библиотеку и сел за журналы; ходил, как на работу, — восемь часов, с обеденным перерывом; стресс поэтому, связанный с отставкой, перенес спокойно.

Вчитываясь в журнальные публикации, Костенко поначалу диву давался, как он отстал от жизни. Вспоминая обязательные политзанятия, нудные лекции пропагандистов, на которых он сидел, надев черные очки, чтобы не заметили, когда уснет (почти все, кстати, приходили в темных очках, не один умный), он поражался тому, какой гигантский вред приносили обществу эти *обязаловки*, во время которых все спокойно внимали обязательной лжи, внешне принимая ее как правду — так и рождалась государственная шизофрения, раздвоение, а то и просто расщепление (как лучины) общества: в кабинете — один человек, с женой на кухне, включив радио, — другой, на собрании — третий, у начальства — четвертый, во время разбора очередной «персоналки» — пятый...

Порою он по два-три раза перечитывал особенно смелую статью: как можно такое печатать?! В меня вьелся, а может, передался по наследству инстинкт охранительного страха, думал он. Сколько лет Россия жила в условиях свободы мысли и слова? После освобождения крестьян — лет десять, потом пришел Победоносцев, тогдашний Суслов; начало века — мелькнули либералы Витте и Столыпин; с февраля семнадцатого разгул свободы, потом — Гражданская, террор — белый ли, красный, всё одно террор; после — восстание *своих*, Кронштадт, и как следствие — нэп, кооперация, сытость, право говорить — вплоть до двадцать девятого... И — снова ночь легла над Россией, кровавая ночь бесправия и страха. Несчастливая страна, то — пик, то — провал.

Статьи серьезных экономистов и историков были альтернативны — не привычные плач и критиканство, но предложения выхода из кризиса, — поражали его

смелостью: неужели это не читают в Кремле?! А если читают, то отчего не следуют рекомендациям ученых? Костенко взял чистый лист бумаги — по привычке статьи и обзоры конспектировал — и записал колонку: четыре часа — прочтение и анализ шифровок от послов из узловых столиц мира; четыре часа — изучение сводок по стране, особенно из республик (хотя, считал он, столичные амбиции влияли на информацию, что шла из Прибалтики — республик с трагической историей, — кто-то явно нагнетает страсти, причем не только с той, но и с нашей стороны. Зачем? Кому на пользу?); три часа — официальные приемы, переговоры; три часа — текущие дела, совещания со штабом, выработка стратегии — на завтрашний день, тактики — на сегодняшний вечер, ситуация такова, что считать надо минутами, не часами. Итого кремлевский рабочий день — четырнадцать часов. Вот и получается, что нет времени на журналы, ведь теперь и по субботам работают... Тут-то и начинается трагический разрыв между тем, что не доходит до кремлевских кабинетов, но зато впитывается сотнями миллионов читателей. У нас ведь так алчно читают не оттого, что мы какие-то особые, просто нечем себя занять. В бизнес не пробьешься, кругом запреты, индустрии развлечений до сих пор нет и в помине, рестораны плохи, дороги, а решишь пойти — места не сыщешь, в одном Париже кафе и ресторанов больше, чем во всем Советском Союзе. У нас принято бифштекс брать с водкой, а у них можно с чашкой кофе весь день просидеть за столиком; такого б клиента наши официанты в сортире утопили... Туризм? Нет его. Дансинги для молодежи? Раз, два — и обчелся... Вот и читают...

Костенко поначалу традиционно пугался слов «собственность», «выкачивание денег», «бессрочная аренда». В нем жило привычное *отталкивание*, вдолбленное с детства, которое на самом-то деле, признался он сам себе на пятом месяце библиотечной *работы*, есть не-

кий генетический код привычного страха перед новым. Действительно, спросил он себя, когда я лучше работал и раскрывал дела, которые до меня лежали в архивах? Когда надо мной не стоял погоняльщик и не требовал ста справок каждый день. Ну а крестьянин? Что он, из другого теста сделан? Сейчас над ним бригадир, председатель, агропром, райком, райисполком, и все его учат, как хлеб убирать... Ну а дай ему волю? Продай землю? Сделай его свободным, как при Столыпине? Или нэпе? Тогда на кой черт ему погоняльщик? Дай магазин, чтоб принимал его продукт, и деньги за это плати... А куда ж администраторов девать? Если бы американский фермер отчет в исполком писал, а пуще того — в агропром, мы бы народ на хлебные карточки должны были посадить, мор бы начался... Всегда на Руси был управитель над мужиком, помещик, урядник, контролер: «семеро с ложкой, один с сошкой»... Сами отучили народ работать — жди *команды* сверху! Чего ж на несчастный народ валить? Сверху все видней... Сам держу все в руках... Самодержавие... Абсолютизм власти... А он, абсолютизм этот, всегда одним кончается — бунтом, особенно когда Человек начинает осознавать свою уникальную неповторимость...

Костенко возрадовался, услышав по телевидению, что теперь колхозам и совхозам будут платить за хлеб валюту. А фермеру? Арендатору? И тут же: «...объединения и главки помогут купить колхозам и совхозам то, что им требуется». Одну минуточку! А отчего председатель или тракторист не могут сами поехать за границу и купить то, что им надо? Снова бюрократия оттирает мужика от плодов его труда? Опять недоверие к личности? Государственное опекуновство? Как же растить поколение тех, кто может сам принимать решение? — «Значит, государство все должно отдать мужику и работяге?! А что тогда делать аппарату?» — «Пенсию пусть получают! Царскую пенсию! Только б все напрямую было,

чтоб не путалась страна в бумажках и отчетах, — погибнем!»

...В ту памятную пятницу Костенко засиделся в библиотеке до позднего вечера, разбираясь с понятием «акция». Сделать работяг хозяевами заводов, завязать качество труда с заработком, ввести закон о помощи по безработице — повышение производительности труда всегда связано с уменьшением числа работающих за счет новой техники, — представил себе ярость консерваторов («мое поколение — все как один консерваторы») и журнал закрыл. Снова уперся рогом в те термины, которые вбили в него за тридцать пять лет работы.

На улице дождило, грусть была в городе, в людях, что стояли возле автобусной остановки, в бутафорских витринах магазинов, да и в самом небе, низком и сером.

— Товарищ Костенко, — услышал он за спиной вальяжный, красивый голос, — извините меня, я б вас подвез домой, а по пути посоветовался бы.

Костенко обернулся: рядом с ним стоял невысокий мужчина в скромном сером костюме, серой шерстяной водолазке, только туфли из лайковой кожи, с медными пряжками, видно, очень дорогие.

— С кем имею честь?

— Меня зовут Эмиль Валерьевич, фамилия Хренков, я из кооператива «Заря», вчера про нас была передача на телевидении, в шестнадцать сорок...

— А какое я имею отношение к кооперации?

— Что, считаете нас акулами капитализма?

— Не считаю. Откуда, кстати, вы меня знаете? Почему здесь ждете?

— Бдительность и страх — категории пересекаемые, товарищ Костенко, — заметил Хренков. — Простите, если что не так. Просто Ястреб мне сказал, что вы в этой библиотеке работаете, ну я и подъехал...

Ястреб торговал в киоске «Союзпечати», снабжал «Московскими новостями». Костенко сажал его дважды:

домашние кражи, брал квартиры номенклатуры, называл себя «Робин Гудом, народным мстителем». Воровать начал с голодухи, — отца расстреляли по «ленинградскому делу», мать спилась. Вернулся из лагеря с туберкулезом, пришел домой к Костенко, тот помог ему прописаться. Воры добро не забывают: завязал, получил киоск, сейчас живет кум королю...

— Что у вас? — спросил Костенко. — Говорите здесь.

— Не согласились бы пойти к нам работать? Помочь в борьбе с рэкетирами, очень трудно жить, товарищ Костенко.

— Частный сыск хотите создать?

— Что-то в этом роде... Я не смею унижать вас разговором об оплате, но, как понимаете, денег мы не пожалеем.

— Оставьте телефон, — сказал Костенко.

— Это несерьезно... Ваше министерство против частного сыска, зачем мне светиться? И так живем, как мишени...

— Тогда до свидания...

— Честь имею, — кивнул Хренков и пошел к «Волге», что стояла поодаль.

Когда он сел за руль и резко (слишком резко) взял с места, чтобы набрать скорость, проезжая мимо остановки, Костенко взгляделся в окно машины — лицо человека в темных очках, что устроился на заднем сиденье, показалось ему знакомым, и не просто знакомым, а очень его в свое время интересовавшим. Машинально взглянул на номер «Волги», запомнил. Назавтра заехал в ГАИ — машина принадлежала летчику международных линий Аэрофлота Полякову, в настоящее время находится в Латинской Америке, доверенности никому не оставлял. Ребята из Угро проверили: «Волга» Полякова стояла запыленная на втором этаже кооперативного гаража возле памятника Гагарину. Вечером Костенко зашел в министерство.

— Слушайте, мужики, как бы мне посмотреть дело об убийстве Зои Федоровой?

Он просидел с папками до одиннадцати, надо бы Машуне позвонить. Впрочем, она привыкла, что он порою исчезал на неделю — работа. Набрал номер: «Маняш, я зашел к себе, в министерство... Хм... «К себе»? К ним, так точнее... Скоро буду. Как ты?» — и, не дожидаясь ответа, положил трубку.

— Слушайте-ка, — спросил он дежурного по управлению, — я помню, была папка с фотографиями свидетелей, где она?

— Осталась на Петровке.

Раньше б сразу же туда рванул, подумал Костенко. Годы, а может, ощущение отлученности от дела. Любительство предполагает неторопливость и право на свободу во времени, только действующий профессионал — физически, до боли в затылке — ощущает фактор времени, некая вмонтированность в твое существо внутренних секундмеров...

На Петровку Костенко приехал утром, в девять. Сначала сделали «робот» того, кто подходил к нему, — Хренкова. Папку искали долго, дело нераскрытое, *повисло*. Как ни странно, Щелоков и Цвигун были в высшей мере корректны, не гнали, как обычно.

Порою Костенко казалось, что все они хотели спустить дело на тормозах, хотя не только Москва гудела, но и Запад тоже.

Папку нашли только к одиннадцати. Костенко медленно пролистал страницы, остановился на семьдесят третьей: «Иосиф Павлович Давыдов, театральный администратор, проживает в Москве, на улице Красных Строителей, дом семь, квартира девять, не судим, образование среднее».

Справка на него пришла довольно быстро, к двум: «Давыдов Иосиф Павлович выехал из СССР по израильской визе в Вену 29 января 1982 года».

Вторая справка пришла из ОВИРа к пяти: «Джозеф Дэйвид, гражданин США, вылетел сегодня утром рейсом Москва — Нью-Йорк самолетом «Пан Америкэн», экономическим классом, приезжал по туристскому ваучеру, неделю жил в Москве, отель «Националь», три дня в Ялте, отель «Ореанда».

Вечером установили всех Хренковых. В кооперативе «Заря» Хренков ни в штате, ни на договоре не числился. По приметам ни один из семисот сорока трех человек с такой фамилией не мог быть случайным собеседником Костенко, ибо никто из установленных Хренковых не имел маленького, едва заметного шрама на левой брови. Костенко усмехнулся: «Я как могильщик Литфонда. Митя Степанов рассказывал, был у них старик, который приходил к больному писателю, болтал с ним о новостях, если тот был в сознании, сулил счастливую жизнь, а сам тем временем промерял мизинцем и большим пальцем рост несчастного — какой длины заказывать гроб... Нормальные люди ищут в лице собеседника что-то новое для себя, запоминают глаза, манеру улыбаться, а я, словно легавая, цепляюсь за то, что может впоследствии оказаться *следом*. Наверное, я пропустил множество интереснейших людей, потому что для меня родинка какая или прыщ важнее глаз, слез, трясущихся пальцев, смертельной бледности...»

— Дело тухлое, полковник, — заметил заместитель начальника столичного Угро, — что это тебя потянуло? Или соскучился по работе?

— Хочу маленько поковыряться...

— Пиши рапорт.

— А без рапорта нельзя?

— Ты что, целка? Забыл законы?

Костенко усмехнулся:

— Законы помню, бардак забыл.

Заявление тем не менее написал и отправился к Ястребу.